

Н О В О С Е Л Ь Е

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией СОФИИ ПРЕГЕЛЬ

42 -44

1950

И. А. БУНИН

UN PETIT ACCIDENT

Зимний парижский закат, огромное панно неба в мутных мазках нежных разноцветных красок над дворцом Палаты, над Сенной, над бальной площадью Согласия. Вот эти краски блекнут и уже тяжело чернеет дворец Палаты, сказочно встают за ним на алеющей мути силуэты дальних зданий и повсюду рассыпаются тонко и остро зеленющие язычки газа в фисташковой туманности города, на сотни ладов непрерывно звучащего, поющего автомобилями, в разные стороны бегущими со своими огоньками в темнеющих сумерках. Вот и совсем стемнело и уже блещет серебристо-зеркальное сияние канделябров Площади, траурно льется в черной вышине грозовая игра невидимой башни Эйфеля и пылает в темноте над Бульварами грубое богатство реклам, огненный Вавилон небесных вывесок, то стеклянно струящихся, то кроваво вспыхивающих в этой черноте. И все множатся и множатся бегущие огни автомобилей, их разноголосно звучащего потока, — стройно правит чья-то незримая рука его оркестром. Но вот будто дрогнула эта рука, — близ Мадлен какой-то затор, свистки, гудки, сдвигаясь, стесняется лавина машин, замедляющая бег целой части Парижа: кто-то тот, что еще успел затормозить в

этой лавине свою быструю каретку, ярко и мягко освещенную внутри, лежит грудью на руле. Он в шелковом белом кашне, в матовом вечернем цилиндре. Молодое, пошло античное лицо его с закрытыми глазами уже похоже на маску.

В А Л Ь П А Х

Влажная, теплая, темная ночь поздней осенью. Поздний час. Селенье в Верхних Альпах, совсем мертвое; давно спящее.

Автомобиль набирает скорость с горизонтально устремленными вперед дымчато-белесыми столпами. Освещаемые ими, мелькают вдоль шоссе кучки щебня, металлически-меловая хвоя чахлого ельника, потом какие-то заброшенные каменные хижины, за ними одинокий фонарь на маленькой площади, самоцветные глаза бессонной кошки, соскочившей с дороги, — и черная фигура размашисто шагающего, развевая подол рясы, молодого кюрэ в больших грубых башмаках... Шагает, длинный, слегка гнутый, склонив голову, одиноко неспящий во всей этой дикой горной глуши в столь поздний час, обреченный прожить в ней всю свою жизнь, — куда, зачем?

Площадь, фонтан, грустный фонарь — точно единственный во всем мире и неизвестно для чего светящий всю долгую осеннюю ночь. Фасад каменной церковки. Старое обнаженное дерево возле фонтана, ворох опавшей, почерневшей, мокрой листвы под ним... За площадью опять тьма, дорога мимо убогого кладбища, кресты которого точно ловят раскинутыми руками световые полосы автомобиля.

«В Т А К У Ю Н О Ч Ъ...»

Под Одессой, в светлую, теплую ночь конца августа. Шли, гуляя, по высоким обрывам над морем. Глядя на его широко сияющую равнину, начал с шутливой важностью декламировать:

Луна блестит. В такую ночь, как эта...

Она взяла его под руку и продолжала:

В такую ночь

Тревожно шла в траве росистой Тизба...

— Позвольте, позвольте: откуда это вы такая ученая?

— Оттуда же, откуда и вы. Не всегда же была добродетельной супругой и обывательницей богоспасаемого Конотопа, Киевскую гимназию с золотой медалью кончила.

— Ну, знаете, это так давно было...

— Это что же — милые дерзости? Ошибаетесь — всего двенадцать лет.

Он покосился на ее высокую, прямую фигуру, на оживленное лицо в веснушках:

— Правильно. Я еще позавчера, как только с вами познакомился, дал вам лет тридцать. Но это для хохлушки уже старость.

— Оставьте в покое мою старость. И я вовсе не хохлушка, а казачка. Лучше скажите, кто это Тизба, я забыла.

— А чорт ее знает. Все равно — дальше что-то чудесное, насколько помню.

— Совершенно чудесное:

И тень от льва увидев прежде льва,
Вся ужасом объятая, пустилась
Стремительно бежать...

Он грустно продолжал:

В такую ночь печальная Дидона
Стояла на пустынном берегу...

Она кончила в тон ему:

В такую ночь
Медея шла, в полях сбирая травы,
Волшебные, чтоб юность возвратить
Язону старику...

— Господи, как хорошо! Какая-то Медея, травы волшебные...
И никого-то нет, кто-б полюбил меня!

— А я-то на что?

— Вы циник и прозаик. А мне нужен поэт. Да и не к чему — две недели моего отпуска вот-вот пролетят стрелой, а там опять Конотоп.

— Не беда. Хорошо только короткое счастье.

Как сладко спит сияние луны
Здесь на скамье!

— То-есть не на скамье, а на этом обрыве. Посидим немного, Медея.

— Посидим, Язон...

Свернув с тропинки, сели на пересохшую траву над самым обрывом.

— Что хорошо у вас, Дидона, так это ваш грудной, хохлацкий голос. И потом, вы умница, веселая...

Она сняла с голой ноги татарский башмачок, вытряхивая из него пыль, и пошевелила пальцами продолговатой ступни, до половины темной от загара.

— И нога чудесная. Можно поцеловать?

— Нет, нет, ни за что! «В такую ночь печальная Медея...» Ну что это, даже не дает договорить...

Возвращались поздно, когда луна уже склонилась, золотая вода сумрачно светилась, волнуясь у берега внизу, и было так тихо, что слышны были ее медленные приливы и отливы.

7.IV.1949.